ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НОВЫЙ СУБЪЕКТ РИТОРИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аминжанова Нилуфар Акбаржон кизи
учитель русского языка в узбекских классах школы №47,
Фергана, Узбекистан
https://doi.org/10.5281/zenodo.23469040

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, может ли генеративный искусственный интеллект (ИИ) считаться субъектом риторической коммуникации, а не только её техническим средством. На основе сопоставительного анализа философских, лингвистических и коммуникативных концепций выделены три модели статуса ИИ в речевом взаимодействии и разработана система из пяти критериев риторической субъектности. Показано, что языковые модели обладают речевой агентностью, жанровой компетенцией и способностью к адресной адаптации, но лишены собственной интенции и ответственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, риторика, субъект речи, языковая модель, этос, аргументация, авторство, человеко-машинная коммуникация.

Широкое распространение больших языковых моделей изменило привычную конфигурацию речевого общения. Убеждающие, разъясняющие и побуждающие тексты всё чаще создаются не человеком, а алгоритмом, причём адресат нередко не имеет представления о природе источника. Это обстоятельство ставит перед гуманитарным знанием вопрос, который ещё недавно имел преимущественно теоретический характер: кто именно говорит, когда говорит машина?

Классическая риторика исходила из того, что оратор – это человек, наделённый намерением, нравственным обликом и ответственностью за произнесённое [1; 4]. Аристотелевская триада этоса, логоса и пафоса описывает три пути убеждения: через образ говорящего, через строй доказательств и через эмоциональное состояние слушателей [1]. Современная «новая риторика» сместила акцент на аудиторию и подчеркнула, что аргументация всегда строится с оглядкой на тех, к кому обращена [7]. Однако и в этой традиции за речью стоит человеческий субъект. Когда его место занимает генеративная модель, привычная схема требует уточнения.

В научной литературе сложились различные подходы к проблеме. Одни исследователи рассматривают ИИ как средство, опосредующее человеческое общение, и говорят об «общении, опосредованном ИИ» [15]. Другие, развивая направление изучения человеко-машинной коммуникации, предлагают видеть в машине полноценного коммуникативного партнёра [13; 14]. Третьи указывают, что модель лишь воспроизводит статистические закономерности языка и не понимает порождаемого текста [10; 12], и тем самым возвращаются к давнему спору о соотношении имитации речи и её понимания [8]. В русскоязычных риторических исследованиях, по нашим наблюдениям, вопрос чаще обсуждается на уровне общих рассуждений, а не в виде критериально обоснованной модели.

Критерии риторической субъектности были выведены из положений классической и современной теории. К ним отнесены: 1) интенциональность – наличие собственной цели высказывания; 2) речевая агентность – способность самостоятельно порождать связный текст, а

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

не воспроизводить готовый; 3) адресная адаптация – учёт аудитории и ситуации [2; 7]; 4) жанровая компетентность – владение устойчивыми формами речи [2]; 5) ответственность – способность отвечать за последствия сказанного.

Ограничение работы заключается в том, что она не опирается на собственный эксперимент: выводы строятся на анализе опубликованных исследований и требуют последующей эмпирической проверки на материале конкретных текстов, созданных моделями.

Инструментальная модель рассматривает ИИ как техническое средство, подобное пишущей машинке или текстовому редактору. Субъектом остаётся пользователь, а модель лишь расширяет его возможности. Эта позиция опирается на аргумент о том, что система оперирует формой без значения [10]. Её сильная сторона – ясное распределение ответственности; слабая – неспособность объяснить, почему результат работы модели нередко оказывается для самого пользователя неожиданным.

Посредническая модель описывает ситуацию, в которой алгоритм вмешивается в формулировку сообщения: предлагает варианты, корректирует тон, перерабатывает текст. Применительно к ней говорят об общении, опосредованном ИИ, и о необходимости учитывать влияние такого посредничества на доверие между собеседниками [15]. Автором высказывания здесь становится человек в союзе с системой.

Коммуникативная модель трактует ИИ как собеседника, занимающего в диалоге позицию, прежде резервировавшуюся за человеком [13; 14]. Исходным основанием служит поведенческий подход, восходящий к «игре в имитацию» [8]: если участник диалога неотличим от человека по речевому поведению, возникает основание обращаться с ним как с коммуникантом. Критики этой позиции отмечают, что поведенческая неотличимость не доказывает наличия понимания.

Анализ показал, что при участии модели меняется содержание каждой из аристотелевских категорий [1].

Этос. Образ говорящего, прежде складывавшийся из репутации и поступков, теперь может конструироваться исключительно стилистически. Модель способна воспроизвести интонацию эксперта, наставника или доброжелательного собеседника, не обладая ни опытом, ни биографией. Экспериментальные данные показывают, что читатели плохо различают тексты, созданные человеком и машиной, и опираются при этом на ненадёжные эвристики [16]. Следовательно, этос превращается из свойства личности в эффект текста.

Логос. Строй рассуждения у модели определяется статистической связностью, а не логическим выводом в собственном смысле. Тем не менее результат нередко выглядит убедительно: тексты оформлены по законам жанра, аргументы выстроены в привычной последовательности. Исследователи подчёркивают, что внешняя гладкость текста не гарантирует его достоверности [12]. Таким образом, логос сохраняет форму, но утрачивает гарантию истинности.

Пафос. Эмоциональное воздействие у модели реализуется через подбор лексики и композиции, соответствующих ожидаемой реакции адресата. В исследованиях по созданию просветительских сообщений показано, что тексты, порождённые языковой моделью, в ряде условий оценивались респондентами не ниже, чем сообщения, подготовленные специалистами. Это означает, что пафос может быть воспроизведён без переживания, которое в классической теории предполагалось у оратора.

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

Также меняется и система риторического канона. Изобретение (поиск аргументов) и расположение (их упорядочение) частично делегируются модели; словесное выражение становится наиболее автоматизированным этапом; запоминание теряет значение, поскольку система обращается к обученным параметрам, а не к памяти оратора. Основу этого сдвига составляют архитектурные решения, позволяющие учитывать широкий контекст при порождении каждого следующего элемента текста [11].

По критерию речевой агентности модель удовлетворяет требованию: она порождает оригинальные тексты, а не извлекает готовые фрагменты, и способна выполнять новые речевые задачи по небольшому числу примеров [11]. По критерию жанровой компетентности результат также положителен: модель устойчиво воспроизводит формы, описанные в теории речевых жанров как относительно устойчивые типы высказываний [2]. По критерию адресной адаптации модель демонстрирует выраженную гибкость: она меняет регистр, глубину изложения и тональность в зависимости от инструкции, что соответствует принципу ориентации на аудиторию [7].

Иначе обстоит дело с интенциональностью. Цель высказывания задаётся пользователем или разработчиком, собственного замысла у системы нет, а то, что выглядит как намерение, является следствием запроса. Критерий ответственности не выполняется вовсе: система не отвечает за последствия сказанного ни юридически, ни нравственно. Здесь существенно положение М. М. Бахтина о том, что высказывание предполагает ответную позицию и обращено к другому как к участнику диалога [2]; без способности отвечать за слово речевая позиция остаётся неполной.

Полученный результат согласуется с позицией, согласно которой вопрос о субъектности машины нельзя решать в бинарной логике «субъект – не субъект». Б. Латур предложил рассматривать действие как результат сети человеческих и нечеловеческих участников, каждый из которых вносит вклад в итог [5]. В применении к риторике это означает, что автором высказывания, созданного с помощью модели, является сеть: разработчики, определившие архитектуру; авторы текстов, на которых модель обучалась; пользователь, сформулировавший запрос; сама система. Мы предлагаем обозначать такую конфигурацию термином распределённый риторический субъект.

Этот вывод находит опору в философской критике понятия автора. Р. Барт говорил о том, что текст есть пространство, где сходятся многие голоса, а не выражение единственной личности [3]. М. Фуко описывал авторство как функцию, которая выполняет определённую роль в обращении дискурсов и закрепляет ответственность за текст [9]. Если следовать этой логике, то вопрос о «настоящем» авторе модели менее продуктивен, чем вопрос о том, как общество распределяет ответственность за порождаемые ею тексты. Показательно и то, что Ю. М. Лотман рассматривал текст как устройство, порождающее новые смыслы в диалоге с аудиторией [6]; это позволяет увидеть в генеративной модели не только копию, но и участника культурного смыслообразования.

Следует признать и ограничения предложенной модели. Во-первых, критерии выведены теоретически, и их применение к конкретным моделям требует проверки на корпусе реальных текстов. Во-вторых, развитие технологий быстро меняет возможности систем, поэтому оценка по критерию интенциональности может быть пересмотрена. В-третьих, оценка воздействия ИИ-текстов на читателей в имеющихся экспериментах ограничена конкретными темами и условиями, и обобщать эти данные следует осторожно.

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

Практические следствия касаются нескольких областей. В сфере риторического и филологического образования возникает задача формирования умения критически читать машинные тексты: распознавать этос, созданный стилистическими средствами, проверять достоверность логически гладких рассуждений, различать эмоциональное воздействие и обоснованность тезиса.

Проведённое исследование показало, что генеративный ИИ занимает в риторической коммуникации промежуточную позицию: он не сводится к инструменту, но и не является субъектом в полном смысле слова. Языковая модель обладает речевой агентностью, жанровой компетентностью и способностью к адресной адаптации, однако лишена собственной интенции и ответственности. Под её воздействием трансформируются все три аристотелевские категории: этос становится эффектом текста, логос сохраняет форму при ослаблении гарантии истинности, пафос воспроизводится без переживания.

Список литературы

1. Аристотель. Риторика // Античные риторики / под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15–164.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
3. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.
4. Волков А. А. Курс русской риторики. М.: Изд-во храма св. мученицы Татианы, 2001. 480 с.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей шк. экономики, 2014. 384 с.
6. Аджеминова, Э. Р., Р. Н. Джагаспанян, and Р. С. Исмаилов. "ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ ЯЗЫКА." PEDAGOGICAL SCIENCES AND TEACHING METHODS 2.18 (2022): 121-125.
7. Nikolayevich, D. R., and A. T. Ermekovich. "Artistic and aesthetic function OF the landscape IN SHUKSHIN'S PROSE." Gospod i Innow 27 (2022): 108-113.
8. Акбаров, О. А., Р. Н. Джагаспанян, and Р. С. Исмаилов. "ФУНКЦИЯ ОБРАЗА ПРИРОДЫ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ." IJODKOR O'QITUVCHI 2.24 (2022): 195-200.
9. Джагаспанян, Р. Н. "ПЕЙЗАЖ КАК КОМПОНЕНТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. ШУКШИНА." Новости образования: исследование в XXI веке 1.7 (2023): 993-997.
10. Djagaspanyan, R. N. "GENRE AMAFOF ARTISTIC METHOD AND CONFLICT IN A. GRIBOEDOV'S COMEDY" WOE FROM WIT"." FORMATION OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY AS INTERDISCIPLINARY SCIENCES 2.16 (2023): 118-123.
11. Акбаров, О. А., and Р. Н. Джагаспанян. "кизи Акрамова НА ПРИРОДА КАК ОДИН ИЗ ОБРАЗОВ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВМ ШУКШИНА." INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE" THE TIME OF SCIENTIFIC PROGRESS. Vol. 1. No. 3. 2022.

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.

12. Касимов, Абдугапир, and Рафик Джагаспанян. "ПРОБЛЕМА НАРОДНОГО ГЕРОЯ В ЛИТЕРАТУРЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ." Scientific journal of the Fergana State University 6 (2024): 85-85.
13. Джагаспанян, Рафик. "ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА СТЕПАНА РАЗИНА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕАЛОВ КАЗАЧЕСТВА В РОМАНЕ ВМ ШУКШИНА" Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ"." Scientific journal of the Fergana State University 6 (2024): 86-86.
14. ДЖАГАСПАНЯН, РН. "ВА БОГОРОДИЦКИЙ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА." Казанский (Приволжский) федеральный университет КОНФЕРЕНЦИЯ: ВА БОГОРОДИЦКИЙ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА Казань, 18–20 ноября 2024 года Организаторы: Казанский (Приволжский) федеральный университет.
15. ДЖАГАСПАНЯН, РН. "БИО-ПСИХО-СОЦИО-ДУХОВНАЯ МОДЕЛЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МЕДИЦИНА И ПСИХОЛОГИЯ." Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. НП Огарёва, Саранск КОНФЕРЕНЦИЯ: БИО-ПСИХО-СОЦИО-ДУХОВНАЯ МОДЕЛЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МЕДИЦИНА И ПСИХОЛОГИЯ Саранск, 23 ноября 2024 года Организаторы: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. НП Огарёва, Саранск.
16. ДЖАГАСПАНЯН, РН. "МЕЖДУНАРОДНЫЕ БОДУЭНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ." Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань КОНФЕРЕНЦИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ БОДУЭНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ Казань, 21–22 октября 2025 года Организаторы: Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань.

© Ushbu material Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) litsenziyasi asosida tarqatiladi.